

Е.В. Рылова
КАТЕГОРИИ ВЕРБАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УК РФ

E.V. Rylova
CATEGORY VERBAL OFFENCES IN THE CC OF THE RF

Аннотация. В статье на основании уголовно-правовых норм УК РФ выделяются вербальные преступления как деяния, посягающие на определённые общественные отношения, предлагается классификация вербальных преступлений.

On the ground of Criminal Code of the Russian Federation the article focuses on the verbal crimes considered as actions which intrude upon fixed social relations. The classification of verbal crimes is submitted as well.

Ключевые слова: вербальное преступление, вербальные категории, теория речевой деятельности, общественные отношения, общественная опасность, вредоносный дискурс, речевая агрессия.

Key words: verbal offence, verbal categories, theory of speech activity, public relations, public danger, malicious discourse, speech aggression.

Междисциплинарные связи свойственны современной науке, они признаются продуктивными: способствуют обогащению контактирующих отраслей знания. Так на стыке языка и права появилась новая отрасль лингвистического знания – юрислингвистика.

Вербальное преступление как понятие до сих пор не определялось как дефиниция ни в юриспруденции, ни в лингвистике. Однако виды таких преступлений с древнейших времён известны всем уголовно-правовым системам. Ещё Священное писание отмечало подобный грех: «Не послушествуй на друга своего свидетелства ложна» [Православный молитвослов, 2008, с. 378].

Причину того, что законодатель не объединил вербальные правонарушения в отдельный вид, юристы видят в том, что «фактор вербальности может в разных составах быть признаком либо объективной, либо субъективной стороны» [Биндюков, 2004, с. 197].

До последнего десятилетия лингвистика «никак не реагировала на возможность совершения правонарушений с помощью языка. Лингвисты вскользь говорили о том, что язык способен на “преступные” действия» [Голев, Матвеева, 2006, с. 174]. Лингвистам не свойственно разграничивать вербальные административные, вербальные гражданские и вербальные уголовные правонарушения. Преступления и проступки, предусматривающие вербальные репрезентации, обычно исследуются в совокупности.

Исследование преступлений уголовного закона чаще всего происходит по разделам УК РФ, например, «Квалификация преступлений против жизни». Гораздо реже авторы используют «сквозные» подходы, позволяющие сгруппировать преступления по смысловым моделям деятельности, поведения. Так на содержании мотивации строит свою классификацию преступных деяний В.В. Лунеев [Лунеев, 2013]. Д. Л. Гаухман говорит о продуктивности выделения микросистем: это «позволяет составить для каждого конкретного состава преступления перечень смежных с ним составов, что, в свою очередь, может явиться для следственных и судебных работников определённой “программой” осуществления их деятельности по квалификации преступлений» [Гаухман, 2005, с. 323]. Автор акцентирует внимание на том, что «составы преступлений, объединённые в одну микросистему, предусмотренные нормами, помещёнными в разные разделы и главы Особенной части уголовного законодательства, нередко имеет больше общих признаков, чем составы преступлений, находящиеся в разных микросистемах, хотя нормы, их предусматривающие, содержатся в одной и той же главе Особенной части УК РФ» [Гаухман, 2005, с. 323].

Нами была предпринята попытка исследовать вербальные преступления, находящиеся в рамках уголовного правового поля, следовательно, представляющие общественную опасность и предусматривающие уголовную ответственность. Под вербальным преступлением мы будем понимать общественно опасное деяние, запрещённое УК РФ под угрозой наказания и направленное на причинение вреда личности, обществу или государству посредством речевой деятельности.

Исторически вербальные преступления можно назвать «привилегированными» и представляющими наибольшую общественную опасность. Так оскорбить словом во времена Русской Правды можно было только князя. При Петре I оскорбление словом монарха наказывалось отсечением головы. Оскорбление солдатом офицера наказывалось высшей мерой. Понятие чести высоко ценилось дворянским сословием: участие в дуэли проходило под угрозой смертной казни за игнорирование судебного разбирательства. К вербальным преступлениям могут быть отнесены и деяния против религии, например, богохульство, наказываемое в случае особой хулы святых смертной казнью, а за «божбу», произнесение всуе имени божьего, – штрафом или церковным покаянием. Государственная измена, включающая тайную переписку, переговоры, сообщение пароля, военных сведений, распространение воззваний, наказывались высшей мерой. Лжеприсяга и лжесвидетельство на суде могло наказываться отсечением двух пальцев либо ссылкой на каторгу. Наказывалась и нецензурная брань в публичных местах.

Юридическим формальным основанием для выделения вербальных преступлений, на наш взгляд, могут быть диспозиции норм УК РФ, указывающие на возможность совершения преступления посредством речевого акта. Содержание диспозиции уголовно-правовой нормы шире, чем состав преступления. «Преступление, как и его состав, – социально-правовое явление. Диспозиция уголовно-правовой нормы – это прежде всего законодательная характеристика состава преступления, но она шире описания только состава преступления за счёт характеристики объекта, предмета, потерпевшего, места, времени, обстановки совершения преступления, которые сами по себе элементами преступления и его состава не являются» [Кузнецова, 2003, с. 493].

Диспозиции норм УК РФ, указывающие на вербальный характер совершения преступления, явились первым основанием классификации. На основании семантического и смыслового обобщения выделенные диспозиции уголовно-правовых норм УК РФ (второе основание классификации) можно объединить и представить в виде общих категорий:

- 1) “оскорбление” (ч. 1 ст. 107; ст. 113; ч. 1 ст. 297; ч. 2. ст. 297; ст. 319; ч. 1 ст. 336; ч. 2 ст. 336);
- 2) доведение лица до самоубийства ... путём угроз (ст. 110);
- 3) убийство или угроза убийством либо причинение вреда здоровью, либо подготовка или совершение преступления экстремистской направленности, либо вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу ... по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. “л” ч. 1 ст. 105; п. “б” ч. 2 ст. 115; п. “б” ч. 2 ст. 116; п. “з” ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 119; ч. 4 ст. 150; ст. 282’);
- 4) угроза убийством (ч. 1 ст. 119; ч.1 ст. 296; ч.2 ст. 296; ч. 3 ст. 296; ч. 4 ст. 296);
- 5) клевета (ч. 1 ст. 128’; ч. 2 ст. 128’; ч. 3 ст. 128’; ч. 4 ст. 128’; ч. 5 ст. 128’; ч. 1 ст. 298’; ч. 2 ст. 298’; ч. 3 ст. 298’);
- 6) дискриминация (ст. 136);

- 7) незаконное соби́рание / получение или распространение / разглашение сведений о частной жизни лица, а также составляющих коммерческую, налоговую, банковскую или государственную тайну, либо тайну усыновления, а также разглашение данных предварительного расследования, сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса либо в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа (ст. 137; ст. 183; ст. 283; ст. 283'; ст. 310, ст. 311; ст. 320);
- 8) вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путём обещаний, обмана, угроз или иным способом..., совершённое с применением насилия или с угрозой его применения (ст. 150);
- 9) вымогательство ... под угрозой применения насилия ..., а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких (ст. 163);
- 10) публичные призывы (ч. 1 ст. 205²; ч. 2 ст. 205²; ч. 1 ст. 280; ч. 2 ст. 280; ч. 1 ст. 354; ч. 2 ст. 354);
- 11) незаконный оборот наркотиков либо незаконные изготовление и оборот порнографических материалов и предметов, а также их рекламирование с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)[п. «б» ч. 2 ст. 228'; ч. 2, ч. 3 ст. 242; п. «г» ч. 2 ст. 242'; ч. 2 ст. 242²];
- 12) действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды (ч. 1. ст. 282; п. а ч. 2. ст. 282; п. б ч. 2. ст. 282; п. в ч. 2. ст. 282);
- 13) заведомо ложный донос / сообщение либо заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 306; ст. 307).

Современная система Особенной части уголовного права построена по родовому объекту преступления. По данному критерию Особенную часть образуют шесть разделов, и все они репрезентируют нормы вербальных преступлений: преступления против личности; преступления в сфере экономики; преступления против общественной безопасности и общественного порядка; преступления против государственной власти; преступления против военной службы; преступления против мира и безопасности человечества.

В психолингвистике распространены методики, связанные с построением разного рода классификаций. Результаты этих экспериментов показывают когнитивные процессы: как человек выделяет признаки, обобщает их, формируя определённые группы, классы. Ещё в конце 60-х годов XX в. Дж. Миллер выдвинул гипотезу о том, что формы классификации материала соответствуют внутренним семантическим связям этого материала и, следовательно, структура этих связей может быть выражена в самой процедуре классификации [Белянин, 2003, с. 183]. Итогом предлагаемой классификации может стать качественная характеристика юридических норм УК РФ.

Преступная деятельность, преступное деяние – эти понятия раскрываются в деятельностной методологии отечественной науки. Деятельностный подход в современной российской криминологии сформировался, во-первых, под влиянием немецкой классической философии: И.Кант, И.Фихте, П.А. Фейербах, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, во-вторых, под влиянием отечественной психологии, в которой была сформулирована общая теория психической деятельности А.Н. Леонтьевым.

Ещё Н.С. Таганцев в лекциях по русскому уголовному праву рассматривает преступление через понятие «продукт деятельности»: «исследуя юридическое понятие преступления как посягательства на норму в её реальном бытии, как посягательства на

правоохраненные интересы жизни, мы рассматриваем это посягательство не как вредоносное событие или явление, а как *деяние, как продукт деятельности дееспособного субъекта, проявившего в нём свою вину*, с её разнообразными индивидуальными оттенками, с особенностями вызывающих это деяние мотивов, с проявленными в нём чертами характера деятеля и т. д.» [Таганцев, 1994, Т. 2, с. 79] (курсив мой. – Е.Р.).

Деятельностный подход в науке – это способ методологического анализа, предметом которого является отношение между субъектом и объектом. В философских доктринах, в которых происходило становление деятельностного подхода, структура деятельности, а, следовательно, способ структурирования действительности предполагает вычленение субъекта, объекта, цели, средства, результата деятельности [Пищальникова, 2005, с. 122-123].

Преступление по уголовному праву РФ есть виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое УК РФ под угрозой наказания (ст. 14). Указанное определение является формально-материальным, поскольку содержит как формальный (уголовная противоправность), так и материальный (общественная опасность) признак преступления. [Юридический энциклопедический словарь, 2004, с. 321].

Под преступлением понимается только деяние, то есть поведение человека, выраженное в определённой обективированной форме. Ни мысли, ни намерения или желания, которые внешне не выражены, не воплотились в общественно опасном поступке, не могут признаваться преступлением. Деяние может выражаться в двух формах: действии (активное поведение субъекта) или бездействии (пассивное поведение, состоящее в несовершении лицом того действия, которое оно обязано было и могло совершить) [Юридический энциклопедический словарь, 2004, с. 321].

Ни умысел, ни обнаружение умысла деянием не является. Преступления, которые совершаются посредством речевых действий, произнесением или написанием отдельных фраз или целых текстов, находятся на границе понимания «наказывания» за мысли и их высказывание. Поэтому необходима чёткая категоризация признаков подобных деяний.

В 1975 году таких преступлений по УК РСФСР было всего около 7% (антисоветская агитация и пропаганда, угроза, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и некоторые другие) [Кузнецова, 2003, с. 408]. В Уголовном кодексе Сталинской эпохи процентное соотношение уголовно-правовым нормам УК РСФСР (с поправками 1952 г.) вербального характера в отношении к невербальным (все оставшиеся) составляло 13%. В современном УК РФ (на май 2013 г.) процент вербальных преступлений составляет 14% (42 статьи к общему количеству статей Особенной части – 304 статьи).

Отечественная психолингвистика заимствует деятельностный принцип из психологии, из общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского. Согласно Л.С. Выготскому, внешняя (материальная) и внутренняя (психическая) деятельности изоморфны, «при этом внутренняя деятельность формируется через интериоризацию внешней. Поэтому с двух сторон последовательно изучается внешнее, наблюдаемое поведение индивида: на основе предметного мотива его поведения и на основе вычленения определённых фаз (действий и операций) его деятельности» [Пищальникова, 2005, с. 132].

Если последовательно применять деятельностный принцип к анализу речи, то человеческую речь следует признать системой речевых действий, включённых в иную деятельность как специфическое средство для решения неречевых задач коммуникантов (А.А. Леонтьев, Н.А. Бернштейн). Следовательно, речевая деятельность в преступлении может быть представлена не только как способ его совершения, но и как деятельность, сопровождающая преступное деяние.

Основным положением отечественной теории речевой деятельности (психолингвистики) является факт зависимости смыслопорождения от мотива речевой деятельности и ассоциативно-апперцепционного содержания мышления. В аспекте этой

аксиомы другим значимым смыслом для понимания понятия «вербальное преступление» является психолингвистический термин «внутренняя речь», предложенный и осмысленный советским психологом Л.С. Выготским.

Язык не является чем-то внешним по отношению к мышлению: между ними нет отношения формы и содержания. Язык вовлечён в процесс мысли. Язык необходим не только для вербализации мысли, но и для её формирования. Поэтому психологи и психолингвисты чаще говорят о речемыслительном процессе, процессе «речемысли» или о речевом мышлении. В когнитивном аспекте лингвистики эти функциональные понятия взаимосвязываются посредством категории «значение».

Значение понимается современными психолингвистами как некий когнитивный механизм обработки индивидуального опыта. Причём значение как когнитивная структура далеко не всегда актуализируется в речи. «Психическое содержание компонентов значения не может вполне совпадать у всех индивидов, следовательно, в языке постоянна лишь его внешняя форма; внутреннее же его содержание, его психическая значимость и интенсивность *меняется в зависимости от того, на что обращено внимание, каково направление умственной деятельности и от общего умственного развития*» [Пищальникова, 2005, с. 171-190] (курсив мой. – Е.Р.).

Значение предлагается рассматривать как феномен мышления, как компромисс между единицами речи и единицами мысли. «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [Выготский, 1996, с. 54]. Это становление мысли в слове отражено в понятии «внутренняя речь». Роль её проявляется а) при восприятии объективной действительности, когда человек даёт словесное обозначение наблюдаемым предметам и явлениям; б) в процессе формирования (порождения) речевого высказывания.

Логика выделения подсистемы «вербальных преступлений» наводит на противопоставление «вербальный / невербальный». Для разъяснения понятия «вербальный», используемого в современной лингвистике, характерны следующие определения: «Вербальный от лат. *verbalis* – устный, словесный» [Современный словарь иностранных слов, 1993, с. 121]. «Вербальный – то же, что глагольный; то же, что словесный». Устойчивые словосочетания со словом вербальный: «*вербальное общение*», «*вербальная агрессия*», «*вербальная коммуникация*» и др. Традиционно «невербальный» – несловесный, жестовый: «*невербальное общение*», «*невербальная коммуникация*».

Подчеркнём, что этимологическое понимание слова «вербальный» как глагольный значимо для современного психолингвистического понимания смысла этого термина: процесса речевой деятельности.

Соотношение вербального и невербального происходит в коммуникативной деятельности. И.Н. Горелов указывал на то, что «в любом коммуникативном (с использованием естественного языка) акте невербальное и вербальное соотносятся друг с другом в соответствии с принципом дополнительности» [Горелов, 2003, с. 178]. Любой анализ текста, утверждает автор, должен совмещать исследование вербальных и невербальных компонентов: «Нельзя представить себе не только “лингвистику текста” (с её исследованием цельности, связности и семантики общего содержания текста), но и традиционное (в духе Э Бенвениста) рассмотрение предложения как “конечной единицы”, подлежащей лингвистическому рассмотрению, без привлечения анализа взаимоотношений между вербальными компонентами и невербальными компонентами в речевом акте» [Горелов, 2003, с. 173-174]. В качестве иллюстрации взаимодействия дополнительных компонентов речевого акта Илья Наумович вводит понятие «авербального» элемента текста, деформирующего его нормативность [Горелов, 2003, с. 123]. И.Н. Горелов говорит в своих работах об актуальности исследования текста в процессе порождения высказывания – речевой деятельности – как взаимосвязи вербальных и невербальных компонентов.

С другой стороны, современные тексты – это тексты, совмещающие вербальные и невербальные компоненты информации. «Новые способы социального взаимодействия

приводят к появлению новых типов текста: возникает необходимость использовать в вербальных произведениях идеографические и другие изобразительные элементы. Что закономерно вызывает изменение социального статуса смешанных, поликодовых средств коммуникации» [Сонин, 2005, с. 7-8].

Таким образом, текст – это и результат коммуникативной речевой деятельности, и «инструмент построения внутреннего мира индивида, а также разделяемой всеми членами языкового коллектива (или отдельной социальной группы) картины мира» [Пищальникова, Сонин, 2009, с. 230]. Следовательно, компонент «вербальный» в составе понятия «вербальное преступление» объединяет признаки вербальности, невербальности, авербальности, т. е. проецирует понимание текста как процесса и результата речевой деятельности индивида.

В лингвистических экспертизах, посвящённых анализу спорных лингвоправовых прецедентов, часто используют понятие «текста» и «дискурса». Сущность целого текста может быть объяснена только при учёте коммуникативного, социокультурного, когнитивного факторов, соотнесённых с собственно лингвистическими. Это положение лежит в основе современного разделения понятия «текст» и «дискурс». Движение мысли исследователя в этом случае лежит от грамматики текста к когнитивным дискурсивным моделям. Основатель лингвистики текста Т.А. ван Дейк «строил модели понимания текста с учётом таких факторов, как мнения, установки говорящего, его социальный статус, этническая принадлежность и др. В качестве основного типа представления знаний в языке Т.А. ван Дейк выделил *модель ситуации*, в основе которой лежат личностные знания конкретных носителей языка, объединяющие весь предшествующий опыт индивидов, в том числе установки, намерения, чувства, эмоции. Именно эти модели становятся основой интерпретации текста и дискурса. Наличие их объясняет, почему коммуниканты понимают неясные фрагменты текста, устанавливают их смысловую связность, а также истинность и ложность» [Пищальникова, Сонин, 2009, с. 235-236].

Криминализация деяний, отграничение от непреступных правонарушений, производится на основании общественной опасности. Общественная опасность деяния по содержанию является объективно-субъективной категорией. При этом личность субъекта не входит в понятие общественной опасности. Но субъект преступления может быть компонентом общественной опасности деяния при условии, что он выступает в роли специального субъекта. Признаки военнослужащего, должностного лица, судьи выступают криминообразующими. Специальный субъект включен в деяние, автором которого он является. Вопрос разграничения преступлений в связи со специальным субъектом в анализируемых преступлениях касается, например, статей УК РФ об оскорблении: воинское оскорбление (ст. 336), оскорбление служащего при исполнении (ст. 319), оскорбление судьи (ст. 297).

«Общественная опасность деяния» как понятие было развито немецкой классической философией, что связывает этот термин с понятием «общественные отношения». А.А. Леонтьев, анализируя немецкую классическую мысль, говорит о том, что общение есть актуализация отношений, носящих общественный характер и исторически развивающихся. Автор цитирует К. Маркса и Ф. Энгельса: «личное поведение индивида неизбежно претерпевает овеществление, отчуждение, и одновременно существует как независимая от него, созданная общением сила, превращаясь в общественные отношения». Таким образом, общение превращает «личное поведение» в общественный факт; а общественные отношения есть то, что через посредство общения превращается в один из аспектов личности [Леонтьев, 1997, с. 48-49].

Объективное и субъективное оказываются непосредственно связанными как в общественно опасном деянии, так и в процессе общения личности и общества – общественных отношениях.

Отечественная деятельностная психология (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев), вслед за марксистской философией, соотносит понятие материального (собственно

деятельности) и идеального (речевой деятельности): «Психологический анализ показывает, что внутренняя, идеальная деятельность имеет такое же строение, как и деятельность практическая. Именно в силу общности строения внутренней теоретической деятельности и внешней практической деятельности их отдельные структурные элементы могут переходить – и в действительности переходят – друг в друга, так что внутренняя деятельность постоянно включает в себя отдельные внешние действия и операции, а развитая внешняя практическая деятельность – действия и операции внутренние, мыслительные» [Леонтьев, 1997, с. 51-52]. Таким образом, речевая деятельность в психологическом отношении, вообще деятельность общения, есть такой же вид деятельности, как любая другая.

Многие столетия подряд юридическая мысль не отделяла правонарушения от преступлений. Русская Правда не различала преступления и гражданско-правового нарушения. Преступление вообще именовалось «лихим делом». В XV-XVI вв. гражданско-правовые отношения постепенно выделяются в особую форму. Только в Петровскую эпоху, с развитием права собственности и появлением термина «собственность» в гражданском праве, формируется и понятие «преступления» в уголовном праве.

Вербальные преступления занимают пограничное пространство между уголовно-правовым и гражданско-правовым полем. В этом состоит сложность выделения и определения как составов таких преступлений, так и их квалификаций. С другой стороны, вербальные преступления имеют, чаще всего, моральные общественные последствия, а, следовательно, связаны с нормами общественной морали, нравственности, с общечеловеческими ценностями. В этом состоит теоретическая проблема выделения вербальных преступлений как особого вида, исследуемого с точки зрения криминологии. Поэтому в таком анализе необходимо привлекать знания социологии, лингвистики, психологии.

Пограничное положение вербальных преступлений позволяет предположить особую значимость их исследования для понимания криминологического смысла преступления как понятия.

Речевой акт как преступления или правонарушения должен содержать в себе признаки агрессивного поведения. С позиций психолингвистики «акт речевой агрессии можно рассматривать как интериоризацию поступка» [Щербинина, 2006, с. 52]. По словам А.Н. Леонтьева, это есть «переход, в результате которого внешние по своей форме процессы ... преобразуются в процессы, протекающие в умственном плане, в плане сознания; при этом они подвергаются специфической трансформации – обобщаются, вербализуются, сокращаются и, главное, становятся способными к дальнейшему развитию» [Леонтьев, 2004, с. 154].

Сущность явления речевой агрессии, отмечает Ю.В. Щербинина, заключается в особом преобразовании внешних процессов (различные реакции на негативные эмоциональные раздражители) во внутренние, связанные с речемыслительной деятельностью.

Таким образом, общественная опасность вербальных преступлений заключается в субъективно-объективной природе речевых действий. Во-первых, такие действия могут иметь «самостоятельную цель (подчинённую общей цели деятельности) и самостоятельную мотивацию, не совпадающую с доминирующей мотивацией той неречевой деятельности, которую обслуживают данные речевые действия» [Леонтьев, 1997, с. 55]. Во-вторых, социально-экономическое развитие общества приводит к развитию специфических форм речевого воздействия (СМИ, Интернет и др.), которое становится специализированной / профессиональной деятельностью. Следовательно, такие речевые формы способны причинить как субъективный вред личности, так и объективный – социальный вред обществу.

Общественные отношения – это динамичная категория. Выразителем общественных отношений является общение, реализуемое в тех или иных коммуникациях, то есть в языке, его формах. Таким образом, вербальные преступления по своей сущности могут посягать на практически любые общественные отношения.

Любое преступное поведение как таковое должно отвечать всем признакам человеческой деятельности, то есть включать и объективные и субъективные характеристики. «Субъективная или объективная стороны поведения совершенно равноценны для преступного деяния. Ни одной из этих диалектически связанных сторон поведения не должно отдаваться какого-либо предпочтения» [Кузнецова, 2003, с. 413].

В науке под составом преступления понимают совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление. Состав преступления – данное в конкретной норме УК правовое понятие о преступлении определённого вида. Общее понятие состава преступления, являясь производным от понятия преступление, представляет научное обобщение признаков отдельных составов преступлений, то есть содержит признаки, общие для всех составов, предусмотренные законом при описании конкретных составов преступлений [Кочои, 2010, 44]. Признаки состава преступления подразделяются на объективные и субъективные, обязательные и факультативные.

Признаками деяния являются: общественная опасность, противоправность, осознанность, наличие волеизъявления. Активное поведение субъекта называется действием. До 70% преступлений, предусмотренных Особой частью УК, могут быть совершены только путём действия [Российское уголовное право, 2010, Т. 1, с. 126]. В науке уголовного права действия принято подразделять на физические (энергетические) и информационные (интеллектуальные). Информационные действия соотносимы с понятием речевых действий. В настоящей работе не ставится задача их противопоставления, однако, важно отметить, что понятие информации используется многими смежными науками и, поэтому, затрудняет его использование в качестве термина. «Информационные действия представляют собой такое общественно опасное поведение, которое состоит в передаче соответствующей информации другим лицам с помощью речи или конклюдентных действий, в том числе с использованием современных средств связи» [Российское уголовное право, 2010, Т. 1, с. 127].

Однозначное определение вербальных преступлений как формальных или материальных представляется сложным. Во-первых, факт передачи сообщения, если оно содержит указание на преступное действие (угроза, оскорбление, клевета и пр.), может быть признан деянием. И это, казалось бы, указывает на значимость вербального преступления: следует только установить наличие криминальной речевой деятельности – и преступление окончено. Однако структура и содержание речевой деятельности обладают психологической способностью воздействия, что может способствовать дальнейшему развитию преступного действия (вовлечение / возбуждение / распространение / призывы и пр.) либо провоцировать морально-психологическую травму потерпевшего. Следовательно, состав такого преступления будет иметь материальные последствия, хотя способ их достижения (действия) «идеален».

В современной юридической литературе в объективной стороне преступления наряду с материальными последствиями выделяют нематериальные. Они не связаны с физическим воздействием, поэтому невозможно подсчитать причинённый ущерб. Нематериальные последствия, связанные с вербальными преступлениями, подразделяются на политический вред (преступления против интересов государства – гл. 29 УК), моральный и психический (преступления против личности – гл. 16 УК), организационный вред (преступления против военной службы – гл. 33 УК; преступления против порядка управления – гл. 32 УК), социальный вред (преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина – гл. 19 УК; преступления против прав личности – гл. 17 УК).

Содержательная часть объективной стороны вербальных преступлений актуализирует способ совершения преступления в виде вербальных репрезентаций. Их можно признать средством достижения преступного результата. В других преступлениях вербальные репрезентации являются сопровождающими по отношению к главному деянию. В вербальных составах преступлений речевые действия становятся обязательными элементами, так как по характеру преступления становятся существенными для признания деяния общественно опасным.

Итак, вербальное преступление представляется как речедействительностный процесс, что позволяет понимать “вербальное” в совокупности с “невербальным” и “авербальным”. Вербальное преступление – это также моделируемая на основании уголовно-правовых норм ситуация общения, которая может прогнозировать выявление типовых речевых ситуаций (дискурсов).

Общественные отношения реализуются в общении посредством языковых выражений. Современное активное развитие общественных отношений стимулирует и развитие коммуникационных связей. Таким образом, вербальные проявления в преступной деятельности имеют тенденцию увеличиваться.

Опасность привлечения к уголовной ответственности не за деяния, а за мысли связана именно с вербальными преступлениями. Для того чтобы избежать ошибок при квалификации подобного рода преступлений и отграничить их от других правонарушений, необходимы чёткие определения их признаков и составов.

На основании анализа диспозиций уголовно-правовых норм об ответственности за вербальные преступления, с одной стороны, и на основании выделенных категорий вербальных преступлений, с другой стороны, нами была выявлена общность речевых действий – типовых речевых ситуаций (дискурсов) – направленных на причинение вреда личности, обществу или государству («вредоносные дискурсы»).

Таблица 1. Виды дискурсов, репрезентирующих составы вербальных преступлений.

№ По порядку	Виды дискурсов, репрезентирующих квалифицированные составы вербальных преступлений			
	Речевое насилие (агрессия)	Противоправное информирование	Ложное информирование	Информация с низменными мотивами, сопровождающая деяние
1.	оскорбление	незаконное собирание / получение или распространение / разглашение сведений ...	клевета	угроза убийством или причинение вреда здоровью ... по мотивам ...
2.	угроза убийством	публичные призывы	заведомо ложный донос / сообщение / заведомо ложные показания ...	дискриминация
3.	вовлечение рекламирование с использованием СМИ ...		
4.	вымогательств	... возбуждение		

	о ...	ненависти / вражды		
5.	доведение лица до самоубийства ...			

Категории вербальных преступлений представляют четыре типа речевых ситуаций, четыре типа дискурсов. Данные «вредоносные дискурсы» репрезентируют ситуации общения, представляющие общественные отношения. Рассмотрим данные типы речевых ситуаций.

1. Речевое насилие или речевая агрессия.

Данная речевая ситуация объединяет следующие категории вербальных преступлений: оскорбление, угроза убийством, вовлечение, вымогательство, доведение лица до самоубийства.

«Речевая агрессия – форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [Культура русской речи, 2003, с. 562]. В лингвистике выделяют виды речевых агрессий: активная прямая речевая агрессия, активная непрямая речевая агрессия, пассивная прямая речевая агрессия и пассивная непрямая речевая агрессия.

«Активная прямая речевая агрессия» – это словесное поношение кого-либо или чего-либо, оскорбление или унижение кого-либо» [Культура русской речи, 2003, с. 562]. Угроза убийством также является проявлением активной прямой речевой агрессии: высказывание угроз, деструктивных пожеланий в чей-либо адрес. Речевая агрессия мотивирована агрессивным состоянием говорящего.

С точки зрения происхождения юридического понятия «оскорбление» считается наиболее древним словом и восходит к древнерусскому пониманию преступления вообще, которое именовалось «обидой». В Русской Правде оскорбить можно было как действием, так и словом: «Княжеские уставы знают и оскорбление словом, где объектом преступления является преимущественно честь женщины» [Кудинов, 2006, с. 272].

Под «тяжким оскорблением» со стороны потерпевшего понимается унижение чести и достоинства лица путём неприличного с ним обхождения. Может содержать как физические, так и словесные действия [Семернёва, 2011, с. 265]. Тяжесть оскорбления является оценочным понятием, определяемым судом по конкретному уголовному делу. Критерием определения степени тяжести оскорбления обычно признаются общепринятые нормы морали, нравственности и индивидуальные психолого-возрастные особенности оскорблённого. С точки зрения языка термин «тяжкое оскорбление» является избыточным, т. к. значение слова «оскорбление» уже содержит элемент значения (сему) «тяжело» («Оскорбить – 1. Тяжело обидеть, унижить») [Толковый словарь русского языка, 2011, с. 577].

В языке угроза определяется как «высказывание, содержащее сообщение о негативных последствиях для адресата в случае каких-либо действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат не совершит или, наоборот, совершит какое-либо действие» [Стексова, 1997, с. 6-7]. Составы преступлений различаются направлением угрозы, исходящей от субъекта преступления: она может быть направлена на лицо, отправляющее правосудие или участвующее в судебном процессе, либо любое другое лицо.

По данным Информационного центра ГУ МВД по Алтайскому краю количество правонарушений, относящихся в нашей квалификации к вербальным, зафиксировано с начала 2013 года по май 2013 года 1406. Из них к числу преступлений, совершённых посредством угрозы убийством относится 910, что составляет 65% от общего числа преступлений, относимых нами к вербальным. Причём количество преступлений,

совершенных только высказыванием угрозы убийством, превышает количество преступлений, опосредованных применением орудий убийств либо демонстрацией их применения: 513 (56%) от общего числа – 910 (100%).

Преступления, квалифицируемые как угроза убийством, относятся к бытовым; часто совершаются на почве личных неприязненных отношений, реже осуществляются по мотиву иной личной заинтересованности. Для возбуждения уголовного дела важно, чтобы потерпевший осознавал реальность осуществления угрозы либо опасался её осуществления.

«Вовлечение – от глагола вовлечь – побудить, привлечь к участию в чём-н.» [Толковый словарь русского языка, 2011, с. 99]. Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления понимают разнообразные по характеру действия: обещания, обман, угрозы либо иной способ. Вовлечение предполагает вербальное воздействие на несовершеннолетнего.

Юристы дают следующее толкование термина: «Под вовлечением понимаются разнообразные действия, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания, стремления участвовать в совершении преступления в качестве исполнителя или пособника» [Уголовное право, 2008, с. 195]. Обещание, обман и угроза – речевые действия, способные оказать воздействие.

По данным Информационного центра ГУ МВД по Алтайскому краю таких преступлений за период с начала 2013 года по май месяц фиксируется 9. В формулировках преступных действий в отношении несовершеннолетних указываются вербальные характеристики: «путём уговоров вовлёл», «путём обещаний вовлёл», «склонил к совершению». В результате несовершеннолетние совершают преступления различной степени тяжести, от средней тяжести до особо тяжких преступлений. Виды преступлений различны: мошенничества, хищения, незаконный оборот наркотиков, кража и др.

«Вымогательство – что. Шантажом, угрозами добиваться чего-н.» [Толковый словарь русского языка, 2011, с. 132]. К сведениям, которые могут причинить существенный вред, относятся охраняемые законом персональные данные о потерпевшем или о его близких. Вымогательство как речевое действие характеризуется высказыванием требований в адрес потерпевшего, причём эти требования всегда сопровождаются психическим насилием. Психическое насилие при вымогательстве выражается в угрозах. Характер угроз может быть различным (применение насилия; уничтожения или повреждения имущества; распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких) [Уголовное право, 2008, с. 278-279].

Данные Информационного центра ГУ МВД по Алтайскому краю за период с начала 2013 года по май месяц говорят о том, что было возбуждено 48 уголовных дел по этой статье. Константными вербальными характеристиками данного преступления являются две группы высказываний: 1) «с применением насилия, применив насилие, под угрозой повреждения чужого имущества, путём угроз, путём вымогательства, под угрозой применения насилия, подавляя волю» – образ преступного действия; 2) «вымогал деньги, вымогал денежные средства, незаконно требовал, требовал передачи, выдвинул требования, требовал совершить действия имущественного характера» – преступное действие.

«Довести – 3. Кого-что до чего. 3. Привести в какое-н. состояние, вызвать, породить в ком-чём-н. какие-н. последствия. *Довести до слёз, до изнеможения*» [Толковый словарь русского языка, 2011, с. 204]. Словарное определение понятия «самоубийство» есть намеренное лишение себя жизни. Самоубийственный – 1. Самоубийство. 2. *перен.* Губительный, опасный для самого себя (книжн.) » [Толковый словарь русского языка, 2011, с. 853]. В данной диспозиции способы совершения преступления являются основанием для отнесения описываемой юридической нормы к

«вербальным преступлениям»: угрозы; жестокое обращение; систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего.

Обязательным признаком является наличие причинной связи между поведением виновного и доведением до самоубийства или покушения на самоубийство [Кочои, 2010, с. 236]. С.М. Кочои указывает, что субъективная сторона в данном преступлении может быть выражена в форме умышленной и неосторожной вины. Другие авторы говорят о том, что «с субъективной стороны доведение до самоубийства может быть совершено с любой формой умысла» [Российское уголовное право, 2010, Т. 2, с. 62].

В научной литературе существует двойное мнение относительно квалификации данного деяния при прямом умысле. Именно умысел на «доведения», выразившийся в вербальных способах, должен влиять на квалификацию. Объективная сторона убийства и самоубийства отличаются тем, что при самоубийстве виновный не совершает действий (кроме вербальных), непосредственно приводящих к смерти потерпевшего. «Потерпевший принимает решение расстаться с жизнью и сам же приводит его в исполнение, руководимый своим сознанием и волей» [Российское уголовное право, 2010, Т. 2, с. 62]. Однако эти сознание и воля находятся под воздействием, оказываемым посредством психических, физических и лингвистических методов.

В информационном центре ГУ МВД по Алтайскому краю представлены сведения о возбуждении 4 уголовных дел по данной статье. 3 из них представлены с формулировкой «по причине систематического унижения человеческого достоинства со стороны неизвестных лиц». Во всех трёх случаях лица, совершившие самоубийство, являются несовершеннолетними.

2. Противоправное информирование.

Данная речевая ситуация объединяет следующие категории вербальных преступлений: незаконное соби́рание / получение или распространение / разглашение сведений, публичные призывы, рекламирование с использованием СМИ, возбуждение ненависти / вражды.

Под противоправным информированием мы будем понимать: разглашение, распространение сведений, составляющих личную, коммерческую или государственную тайну; также призывы, рекламирование – речевая деятельность, направлена на то, чтобы сделать ту или иную информацию публичной. Причём данная информация либо в силу действия закона не должна становиться явной, либо разглашение этой информации не желательно для частного лица. Противоправное информирование характеризуется активностью действий адресанта речи (субъектом преступления) или суггестивными речевыми проявлениями, направленными на возбуждение противоправных действий.

Дискурс «противоправное информирование» по характеру и смыслу речевого высказывания соотносится с языковым / речевым манипулированием. Речевое манипулирование – вид речевого воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. Для речевого манипулирования характерна ориентация не на убеждение, а на внушение; основным её «инструментом» являются психологически точные апелляции к эмоциональной сфере адресата, ориентирование его психических нужд для достижения определённых целей [Культура русской речи, 2003, с. 567]. Незаконное распространение информации, предание огласке каких-либо сведений, которые данный гражданин хотел бы сохранить в тайне, тоже может быть названо речевым манипулированием, поскольку адресант манипуляции в такой ситуации действует в своих корыстных целях.

Речевое манипулирование может осуществляться как в межличностном общении, так и в массовой коммуникации – рекламировании, идеологической пропаганде, предвыборной политической кампании, в том числе и посредством СМИ. Речевое манипулирование направлено на формирование у массовой аудитории определённых

вкусов, потребностей, убеждений, предрассудков, стереотипов сознания, выгодных для манипулятора. Набор общих фраз, оформленных в виде морально-этических или политических лозунгов, использование популярных клише позволяют манипулятору ввести аудиторию в заблуждение, скрыть истинные мотивы своего поведения и достигнуть желаемой цели [Культура русской речи, 2003, с. 568].

«Разгласить – 1. Рассказав, оповестив, сделать известным всем (что-н. тайное)». 2. Всем, повсюду объявить, рассказать о чём-н., распространить что-н.» [Толковый словарь русского языка, 2011, с. 792]. «Под разглашением следует понимать сообщение сведений, которые должны быть сохранены в тайне, хотя бы одному постороннему человеку, заинтересованному в получении этих сведений. Способы разглашения (передача в разговоре, публикация в газетах, сообщение по радио и телевидению и т. п.) для квалификации значения не имеют» [Российское уголовное право, Т. 2, 2010, с. 605].

Нормы уголовного права, зафиксированные в ст. 205², ст. 280, ст. 354, тесно связаны общими вербальными признаками – категорией «призыв» и категорией «публичный»: *Публичные призывы* к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма; *Публичные призывы* к осуществлению экстремистской деятельности; *Публичные призывы* к развязыванию агрессивной войны.

Определение слова «публичный» в словаре Н.Ю. Шведовой следующее: «1. Осуществляемый в присутствии публики, открытый. *Публичное выступление. Публично заявить. Публичные торги.* 2. Общественный, не частный (устар.). *Публичный музей. Публичная библиотека.* Семантический интерес могут представлять и фразеологизмы (устойчивые словосочетания языка), включающие в свой состав данное слово: «*Публичная женщина* – то же, что проститутка. *Публичный дом* – заведение, в котором проститутки принимают посетителей» [Толковый словарь русского языка, 2011, с. 776].

Призывы к агрессивным действиям, насилию в речевом аспекте могут расцениваться и как «активная прямая речевая агрессия».

3. Ложное информирование.

Данная речевая ситуация объединяет следующие категории вербальных преступлений: клевета, заведомо ложный донос / сообщение / заведомо ложные показания.

Ложь представляет собой феномен речевого общения, состоящий в намеренном искажении действительного положения вещей. Она чаще всего выражается в содержании речевых сообщений, немедленная проверка которых затруднительна или невозможна. Ложь есть осознанный продукт речевой деятельности, имеющий целью ввести реципиентов (слушателей) в заблуждение [Белянин, 2003, с. 186]. Нередко ложь вызвана стремлением добиться личных или социальных преимуществ в конкретных ситуациях.

С точки зрения психолингвистики ложь также можно отнести к средствам манипуляции. Как показывают эксперименты и наблюдения, речь человека, пытающегося исказить реальное состояние дел или ввести кого-нибудь в заблуждение, отличается от речи человека, говорящего правду. Ложь выявляется как на уровне формы построения высказывания, та и на уровне содержания.

«Клевета – порочащая кого-что-н. ложь» [Толковый словарь русского языка, 2011, с. 338]. Клевет как вид агрессивного речевого поведения относится к «активной непрямой речевой агрессии»: распространение злобной клеветы или сплетен о ком-либо [Культура русской речи, 2003, с. 562].

Клевета определена законом как распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. «Следовательно, понятие клеветы включает три признака: а) унижение (опорочение) чести и достоинства или подрыв репутации, б) умышленность этого деяния; в) ложность распространяемых сведений» [Понятие чести и достоинства, 1997, с. 14]. Авторы

определяют клевету как «такое унижение чести и достоинства (или унижение чести и умаление достоинства), которое связано с умысленной ложью, но совершенно не обязательно предполагает неприличную форму (в отличие от оскорбления)» [Понятие чести и достоинства, 1997, с. 15].

«Донос – тайное обвинительное сообщение представителю власти, начальнику о чьей-н. деятельности, обычно противозаконной; также вообще тайное, обычно ложное донесение на кого-н., поклёп» [Толковый словарь русского языка, 2011, с. 210]. «Доносительство» содержит словарную помету «неодобрительное» как характеристику занятия доносчика. Как жанр агрессивной коммуникации донос представляет собой целенаправленное действие. Содержание доноса могут составлять следующие сведения: а) порочащие объект (например, отрицательная оценка объектом каких-либо явлений, событий, лиц); б) компрометирующие объект; в) сообщение о негативных действиях, поступках, высказываниях объекта [Щербинина, 2006, с. 189].

4. Информация с низменными мотивами, сопровождающая деяние.

Данная речевая ситуация объединяет следующие категории вербальных преступлений: угроза убийством или причинение вреда здоровью ... по мотивам ..., дискриминация.

Информация, содержащая низменные мотивы, может представляться как вербально, так и не вербально. Установление факта преступного мотива политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды возможно только посредством обнаружения противоправной информации. Психолингвистический анализ знаковой составляющей текста, плаката, рисунка и тому подобного материала способен репрезентировать когнитивные скрытые смыслы предметов, на основании которых возможно сделать заключение о низменном характере ведущей эмоции. Речевая деятельность в этом случае может только сопровождать преступную деятельность.

Мотивы ненависти или вражды имеют формальное вербальное либо невербальное выражение. Объективация мотива во вне происходит посредством вербализованных / невербализованных действий как способа совершения преступления. В материальных составах вербализация мотива в виде эмоциональных высказываний обуславливает причинно-следственную связь между деянием и последствием.

Авторы научной литературы по проблемам квалификации данных преступлений советуют сопрягать оценочную лексику с намерением, целью совершить деяние: «Сам факт произнесения кличек, относящихся к национальным и другим названным особенностям лиц, участвующих в конфликте, не следует считать проявлением шовинистических или националистических мотивов. Иное дело, если взятые в контексте с другими фразами, произнесёнными субъектом, клички явно свидетельствуют о существовании у него намерения расправиться с лицом иной расы, национальности (например, фразы типа «Негр – вон из страны! Россия только для русских», «Убей чёрного!» и т. п.)» [Семернёва, 2011, с. 253].

По данным Информационного центра ГУ МВД по Алтайскому краю данные виды преступлений за период с начала 2013 года по май месяц представлены только ч. 4 ст. 150. Таких преступлений фиксируется 10. В формулировках преступных действий в отношении несовершеннолетних указываются вербальные характеристики: «путём уговоров вовлёл», «путём обещаний вовлёл», «склонил к совершению». В результате несовершеннолетние совершают преступления различной степени тяжести, от средней тяжести до особо тяжких преступлений. Виды преступлений различны: мошенничества, хищения, незаконный оборот наркотиков, кража и др.

Мотивы ненависти или вражды могут проявляться и в деяниях, расцененных законодателем как дискриминация. «Дискриминация (лат. *discriminatio* – различение) от дискриминировать – кого (что) (книжн.). Ограничивать в правах, лишить равноправия» [Современный словарь иностранных слов, 1993, с. 169]. «Дискриминировать – (книжн.).

Ограничить (-ивать) в правах, лишить (-шать) равноправия [Толковый словарь русского языка, 2011, с. 200].

Конституция РФ (ч. 2 ст. 19) запрещает «любые формы ограничения прав и свобод по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». Потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 136, могут быть как граждане РФ, иностранные граждане, так и лица без гражданства.

Объективная сторона преступления состоит в дискриминации, то есть в нарушении прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Дискриминация осуществляется в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного положения, должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, принадлежности к каким-либо социальным группам [Кочои, 2010, с. 272].

Итак, вербальное преступление – это речедейательностный процесс, реализующийся в социальных / асоциальных ситуациях общения и посягающий на те или иные общественные отношения. Вербальные преступления можно классифицировать в категории вербальных преступлений. Вербальное преступление как моделируемая на основании уголовно-правовых норм ситуация общения выявила следующие виды типовых речевых ситуаций (дискурсов): речевое насилие или речевая агрессия; противоправное информирование; ложное информирование; информация с низменными мотивами, сопровождающая деяние. Следовательно, общественную опасность могут представлять только данные типы дискурсов.

Выявленная совокупность вербальных преступлений позволяет говорить о существовании уникальной «микросистемы» в УК РФ. Вербальные преступления способны посягать на общественные отношения любого уровня, о чём свидетельствуют родовые и видовые объекты составов данных преступлений. Конкретные общественные отношения, представленные непосредственным объектом (горизонтальные отношения), тоже могут быть предметом неоднократного преступного вербального посягательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белянин, В.П.** Психоллингвистика: Учебник / В.П. Белянин. – М.: Флинта: МПСИ, 2003. – 232 с.
- Биндюков, И.В.** Квалификация составов языковых правонарушений // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 197-201
- Выготский, Л.С.** Мышление и речь. М., 1996
- Гак, В.Г.** Новый французско-русский словарь. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. – 1160 с.
- Гаухман, Л.Д.** Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. – 457 с.
- Голев, Н.Д., Матвеева, О.Н.** Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика-7: язык как феномен правовой культуры: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 168-185
- Горелов, И.Н.** Избранные труды по психоллингвистике. – М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.
- Исаев, И.А.** История государства и права России. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 336 с.
- Кочои, С.М.** Уголовное право: Общая и особенная части: учебник. – М.: Юридическая фирма «Контракт»; Волтерс Клувер, 2010. – 592 с.
- Кудинов, О.А.** История отечественного государства и права: Курс лекций. – М.: «Ось89», 2006. – 272 с.

- Кузнецова, Н.Ф.** Избранные труды / Предисловие академика В.Н. Кудрявцева. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 834 с.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник** / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
- Леонтьев, А.А.** Психология общения. – М.: Смысл, 1997. – 365 с.
- Леонтьев, А.Н.** Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
- Лунеев, В.В.** Курс мировой и российской криминологии в 2 т. Т. II. Особенная часть. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 872 с.
- Пищальникова, В.А.** История и теория психолингвистики: Курс лекций. Ч.1. – М.: Институт языкознания РАН, Московский государственный лингвистический университет, 2005. – 296 с.
- Пищальникова, В.А., Сонин, А.Г.** Общее языкознание. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 448 с.
- Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации.** – М.: «Права человека», 1997. – 128 с.
- Православный молитвослов.** – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – 384 с.
- Российское уголовное право:** в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – Москва: Проспект, 2010. – 528 с.
- Российское уголовное право:** в 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – Москва: Проспект, 2010. – 688 с.
- Семернёва, Н.К.** Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. – М.: Проспект, Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. – 296 с.
- Современный словарь иностранных слов** – М.: Рус. яз., 1993. – 740 с.
- Сонин, А.Г.** Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М., 2005. – 220 с.
- Стексова, Т.И.** Угроза как речевой жанр // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 6-7
- Таганцев, Н.С.** Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1994. – 393 с.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов** / РАН. Институт русского языка и. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». – 1175 с.
- Уголовное право. Особенная часть:** учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – М.: Норма, 2008. – 1008 с.
- Щербинина, Ю.В.** Вербальная агрессия. – М-во общ. и проф. образования, Моск. пед. гос. ун-т. – М.: КомКнига, 2006. – 355 с.
- Юридический энциклопедический словарь** / Под общ. ред. В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2004. – IV, 450 с.